

«Вздоры пишутся проворно,
и такая литература неистошима»:
Н.Д. Хвоцинская, литературный критик

Екатерина И. Самородницкая
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ksam@inbox.ru*

Аннотация. В статье на материале «Провинциальных писем о нашей литературе» рассматривается литературная позиция В. Поречникова (псевдоним Н.Д. Хвоцинской) как критика. Восемь писем не просто посвящены актуальной отечественной словесности, но позволяют выявить совокупность взглядов Хвоцинской на насущные задачи литературы и их воплощение. Критик пишет либо о том, чего в литературе нет, либо чего быть не должно: излишнего обличения и развлечения, слепого копирования действительности (дагерротипирования), чрезмерного увлечения прошлым и т. п. Автор статьи приходит к выводу, что все рассмотренные в «Провинциальных письмах» произведения соотносятся с умозрительно существующей моделью реалистического романа, при сопоставлении с которой критик не отдает предпочтения никому: ни известным писателям (А.К. Толстому), ни женщинам-писательницам (А.Я. Панаевой и др.). Таким образом, по мнению Хвоцинской, реализм в литературе первой половины 1860-х гг. остается в значительной мере воображаемым конструктом.

Ключевые слова: Н.Д. Хвоцинская, В. Поречников, реализм, русская литературная критика XIX в., женская проза, А.К. Толстой, А.Я. Панаева, П.Д. Боборыкин

Для цитирования: Самородницкая Е.И. «Вздоры пишутся проворно, и такая литература неистошима»: Н.Д. Хвоцинская, литературный критик // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 11. Часть 1. С. 33–43. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-33-43

“Nonsense is written nimbly,
and such literature is inexhaustible”.
N.D. Khvoshchinskaya, literary critic

Ekaterina I. Samorodnitskaya
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ksam@inbox.ru*

Abstract. The material of ‘Provincial Letters about Our Literature’ is used in the article as a basis for considering the literary position of V. Porechnikov (pseudonym of N.D. Khvoshchinskaya) as a critic. Eight letters are not simply concerned with the actual domestic literature but allow to reveal the whole of Khvoshchinskaya’s views on the urgent tasks of literature and their realization. The critic writes either about what is not to be found in literature, or what should not be: excessive denunciation and entertainment, blind copying of reality (daguerreotyping), excessive fascination with the past, etc. The author of the article comes to the conclusion that all the works considered in ‘Provincial Letters’ correlate with the speculatively existing model of the realistic novel, when compared to which the critic does not favour anyone: neither famous writers (A.K. Tolstoy), nor women writers (A.Ya. Panaeva et al.). Thus, according to Khvoshchinskaya, realism in the literature of the first half of the 1860s remains a largely imaginary construct.

Keywords: N.D. Khvoshchinskaya, V. Porechnikov, realism, Russian literary criticism of the 19th century, women’s prose, A.K. Tolstoy, A.Ya. Panaeva, P.D. Boborykin

For citation: Samorodnitskaya, E.I. (2025), “ ‘Nonsense is written nimbly, and such literature is inexhaustible’. N.D. Khvoshchinskaya, literary critic”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 11, part 1, pp. 33–43, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-33-43

Русская женская проза XIX в., как известно, не обласкана вниманием исследователей, обычно предпочитающих более известные имена соответственно иной гендерной принадлежности. Надежда Хвощинская скорее представляет счастливое исключение: поэтика ее художественных и критических текстов, проблемы псевдонима как литературной и/или гендерной маски, самое место писательницы в ряду современниц не раз становились предметом системных и фундаментальных работ таких ученых, как Е.Н. Строганова [Строганова 2006; Строганова 2019], Х. Хогенбом [Hoogenboom 2002] и Дж. Гит [Gheith 2002; Gheith 2004].

В центре внимания данной статьи – критическое наследие Н. Хвоцинской, а именно «Провинциальные письма о нашей литературе», опубликованные в журнале «Отечественные записки» с 1861 по 1863 г. под псевдонимом В. Поречников. Строго говоря, это период приблизительно в полтора года; однако представляется, что «Провинциальные письма» можно рассматривать как своего рода литературную летопись первого пореформенного года, попробовать взглянуть на них в контексте как художественных, так и иных актуальных задач. В текстах Хвоцинской нас будет интересовать, как художественные принципы писательницы проявляются в критике, в чем она видит недостатки современной ей литературы (в том числе женской) и есть ли в критике Хвоцинской «положительная» программа – описывает ли она некую должную, «правильную» литературную модель, как это было в статьях весьма почитаемого ей В.Г. Белинского.

Рассмотрим «Провинциальные письма» последовательно.

Письмо I не является в строгом смысле слова обзором или рецензией и носит теоретический характер, так как рассматривает задачи литературы и способы ее рецепции. Не останавливаясь на выработанной Хвоцинской социологии чтения (в том числе потому, что это уже сделала Дж. Гит), отметим прежде всего чрезвычайно прискорбный с точки зрения критика факт: большинство читателей ищет в литературе развлечения. «Цель чтения – за сказкой забыть действительность»¹. Однако «эти соображения не должны стеснять литературу, которой обязанность указывать и защищать»². Альтернативой развлекательной литературе должна, по-видимому, выступать серьезная литература, но, по мнению критика, преобладающей альтернативой оказывается литература обличительная. Она, в свою очередь, тоже в процессе (или на грани) вырождения: «она не прошла, а только изменилась, надоев сама себе в своем прежнем виде и несколько исчерпав сюжеты казнокрадства и экзекуций. Она <...> касается теперь всего – отношений семейных, сословных, всего понемножку – и произведения выходят пестрые от множества идей неразобранных, разорванных, часто не клеящихся, но все-таки склеенных между собою, недосказанных и потому ничего недосказывающих, кроме того, что автор наговорил много, а не сказал ничего»³. Обличительная критика действительности так же мало продуктивна, как и дистанцирование от нее, так

¹ Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо I // Отечественные записки. 1861. Т. 139. № 12. С. 125.

² Там же. С. 129.

³ Там же.

как, по мнению критика, не способствует решению главной задачи литературы – воспитательной. Намек на «правильную» литературу в заключении статьи все же угадывается: «смешна, но досадно смешна эта литература, которая не только не дает себе труда, но и не чувствует желания поглубже заглянуть в жизнь, чтобы извлечь из нее *живые слова и живые образы*»⁴. Выделенные курсивом слова, по-видимому, и есть черты «правильной» литературы, под которой следует понимать литературу реалистическую.

Обратим внимание еще на одно заявление в Письме I. Критик подробно объясняет, почему необходимо изучать беллетристику: «“Дворянское гнездо”, “Гроза”, “Торькая судьбина”, “Обломов” являются не всякий месяц, а в промежутках их появлений большинством читателей владеет большинство писателей»⁵. И хотя далее автор сразу же оговаривается, что не имеет в виду второстепенные явления, однако, как убедительно показывают последующие письма, она стремится охватить широкую, максимально репрезентативную картину современной словесности, в том числе и учитывающую гендерное разнообразие. В этом смысле Хвощинская-Поречников как будто бы стремится уйти от иерархизированного подхода к литературе; другой вопрос, насколько ей это удается.

Письмо II посвящено повести Н. Кохановской (псевдоним Надежды Степановны Соханской) «Кирилл Петров и Настасья Дмитрова». Оценивая рассматриваемый текст как «мелодраму на русский лад» с «византийским пафосом», критик приходит к выводу, что увлекательность произведения, в котором однозначно наличествуют реакционные идеи, это недостаток. Мысль Кохановской сводится, по мнению критика, к осуждению согрешившей героини, очевидной жертвы обстоятельств и произвола; главный герой в финале повести ее прощает. Дж. Гит полагает, что Хвощинская-Поречников судит ограниченно, находясь в плену заранее заданной парадигмы: «Поречников... делает акцент на политическом в ущерб эстетическому. Другим способом прочтения повести Кохановской мог бы стать рассказ о постепенном эмоциональном пробуждении Кирилы; эта сторона истории теряется в пересказе Поречникова» [Gheith 2004, p. 111]. Это верно, критик всегда судит по заранее сконструированной мерке. Но в данном случае представляется, что эта мерка не исчерпывается принадлежностью Хвощинской к лагерю революционных демократов. Важно, что мы имеем дело с двумя псевдонимами: Кохановская

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Там же. С. 122.

(Соханская) и Поречников (Хвоцинская) – писательницы, одна из которых выбирает традиционно мужской псевдоним, а вторая нет. В паре «писатель – критик» как будто есть «женщина» и мужчина; при этом женщина – автор повести, где слабая и обесцененная героиня считает себя виноватой, а мужчина – критик, который считает подобный подход недопустимым и реакционным. Они поменялись ролями: права женщины отстаивает мужчина-Поречников, а не женщина-Кохановская.

Кроме того, парадигма критика представляется не вполне заранее заданной. Скорее достаточно резкий разбор повести Кохановской продиктован не только сочувствием к бедной Насте, но и задачей, обозначенной выше – поиском правильной литературной модели. И поэтому досада критика продиктована тем, что талантливый автор свернул в сторону Византии и Домостроя:

Талант выбирает лица, группирует факты, и целое составляется из него не как-нибудь, идея целого является не случайно, а потому, что существовала одновременно с творчеством, руководила им... Идеи, проводимые писателем, составляют его направление, и он его не скрывает, как бы не отговаривался. Г-жа Кохановская знает, что не принадлежит к числу дагерротипистов (слепое подражание, копирование действительности, с точки зрения Хвоцинской очевидный недостаток. – *Е. С.*), знает, что проводит идеи, а потому и должна нести за них ответственность⁶.

Хвоцинская сама не принадлежит к обличительному направлению в литературе, как и к противоположному; она и в своей художественной прозе, и в критике в поиске «истинного» реализма. Повесть Кохановской рассмотрена как потенциальный пример этого направления и пример признан неудачным.

Письмо III, посвященное четырем произведениям, Н.Д. Ахшарумова, П. Волгонского (псевдоним Л.Ф. де Роберти), Н. Станицкого (А.Я. Панаевой) и Ю.В. Жадовской, выглядит как выстроенное по нарастающей: от слабого текста к сильному. «Беллетристические произведения важны не содержанием, а идеей»⁷, – заявляет Хвоцинская, и на этом основании строго расправляется с первыми двумя авторами и уделяет больше внимания двум вторым. «Ни один из них (романов Станицкого. – *Е. С.*), скажем прямо, не удовлетворяет

⁶ Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо II // Отечественные записки. 1862. Т. 140. № 1. С. 374.

⁷ Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо III // Отечественные записки. 1862. Т. 142. № 5. С. 37.

в художественном отношении; их содержание многосложно, запутано, и автор справляется с ним с большим трудом. Но под этой грубой работой – всегда убеждение; это набрасывание – неизбежное последствие жаркого желания сказать скорее, сказать все; в этих резкостях всегда много житейской правды, поднятой с болезненным чувством участия и негодования»⁸. Итак, по мнению Поречникова, Станицкий пишет дурно, его сюжетные ходы натянуты и неправдоподобны, характеры узнаваемы и карикатурны, но пишет искренне: «все эти падшие виноваты только в том, что доверились и любили... И тема даже не новая. Но г. Станицкий и не выдает ее за новость: он говорит от чувства правды и сострадания»⁹. В свою очередь повесть Жадовской «Отсталая», которую критик для начала хвалит («написанная тонко, старательно, по слову и по идее совершенная противоположность роману г. Станицкого, эта повесть – нечто вроде указания, в чем современная женщина отстала от истинного понятия о вещах и чувствах, и как должна догнать его»¹⁰), провоцирует как размышления о роли чтения в воспитании молодых девиц, так и о самом понятии, вынесенном в заглавие; что понимать под отсталостью и как ее преодолеть. Пример, который приводит критик, представляется неожиданно-показательным: девушка из высшего общества, которая очень хорошо знала о горестях и нуждах бедняков. «Откуда, как она их узнала? Хотела узнать»¹¹. Этот изящный, будто между делом намек на то, как можно изменить русскую жизнь – просто начать что-то делать, совершить усилие, в очередной раз намекает нам, как много общего у жизненной философии Хвоцинской с протестантской этикой и английским романом, где мысль о том, что необходимо что-то сделать самому, прежде чем беспокоить, молить или укорять Бога, повторяется многократно. Здесь уместно вспомнить самые разные тексты, от «Джейн Эйр» и «Домби и сына» до романов Джордж Элиот, но сопоставление творчества Хвоцинской с викторианским романом – тема отдельной статьи.

Письма IV и V посвящены не столько конкретным текстам, сколько течениям в современной литературе. Поречников-Хвоцинская осуждает А.К. Толстого за обращение к теме Дон Жуана, к «вечному» сюжету, которое имеет смысл лишь в том случае, если в него привносится что-то оригинальное.

«Задумав воспроизвести полный образ Дон-Жуана, можно было

⁸ Там же. С. 37–38.

⁹ Там же. С. 38.

¹⁰ Там же. С. 40.

¹¹ Там же. С. 51.

сомневаться в успехе, но трудно было бы предвидеть что-нибудь полнее неуспеха новой драматической поэмы. Все старое в ней бледно, все новое – неудачно»¹².

Обращение к вечным темам в концепции автора – своего рода эскапизм, способ ухода от действительности и следовательно, от насущных литературных задач. Но все, что не имеет отношения к литературе действительности (хотя странно было бы ожидать этого от А.К. Толстого), критик не считает существенным и высоко оценить не может. Сходная ситуация складывается и в Письме V, посвященном литературе воспоминаний. Критик Поречников настаивает на том, что «воспоминание должно быть истинно и рассказано просто: тогда оно может достигнуть своей общественной цели и даже выиграет в художественном отношении»¹³. Забудем даже теоретически о потенциальной «истинности» я-нарратива; нам важнее, насколько Хвоцинская как критик последовательна в своих требованиях к словесности. Действительность и правда превыше всего; если их нет, незачем писать любой текст, в том числе о времени и о себе. Отметим в Письме V еще один существенный момент: Хвоцинская, у которой свои представления о правильных образцах из западных литератур (это отдельный сюжет), обращает внимание на плохое качество современных ей переводов и говорит, что этим нужно серьезно заниматься¹⁴. А увлеченности воспоминаниями критик выносит чрезвычайно жесткий вердикт, который в той же мере относится к увлеченности «вечными» сюжетами: это ведет литературу к «бесцветности и бесплодности»¹⁵.

Письмо VI, последнее из опубликованных в 1862 г., озаглавлено «Рассказы женщин о женщинах» и посвящено роману Н-вой (нам не удалось выяснить, кто скрывался за этим псевдонимом) «Приключения одного лета». «Беллетристика доказывает, что у нас очень много прекрасных людей и очень мало талантливых писателей»¹⁶, – такими статьями открывается эссе Хвоцинской, и анализ романа, не самого выдающегося художественного текста, служит тому подтверждением. И действительно, повторим вслед за Е. Строгановой и Дж. Гит, Хвоцинская пишет о женской ли-

¹² Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо IV // Отечественные записки. 1862. Т. 143. № 8. С. 194.

¹³ Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо V // Отечественные записки. 1862. Т. 144. № 10. С. 246.

¹⁴ См.: Поречников В. ...Письмо V. С. 252–253.

¹⁵ Там же. С. 255.

¹⁶ Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо VI // Отечественные записки. 1862. Т. 145. № 11. С. 50.

тературе, не раскрывая своей к ней принадлежности¹⁷. По мнению Строгановой, «сознательная ориентация на маскулинные образцы в большей степени была характерна для женских авторов, сочувственно воспринимавших демократические идеи» [Строганова 2006, с. 137]. С одной стороны, это справедливо, так как писатели-демократы за редким исключением в гораздо меньшей степени признавали за женщинами право на занятия литературой, чем их оппоненты. С другой стороны, представляется, что Хвоцинская гораздо больше жаждет объективности, как в свой адрес, так и в адрес коллег по цеху, и этот же объективный подход стремится применить в своих критических статьях. Она специально обращается к женской прозе, но не может не констатировать художественную неудачу, происходящую все по той же причине – отрыва автора от действительности и идеи.

Два последних письма, седьмое и восьмое, были опубликованы в 1863 г. Письмо VII вновь посвящено А.К. Толстому – роману «Князь Серебряный». Если в Письме IV Хвоцинская критиковала писателя за обращение к вечному сюжету, то историческую тематику она как раз приветствует, а современную литературу упрекает за утилитарную приверженность насущным интересам: «для подобных “житейских” и прочих сцен не нужно никакого изучения, никакого знания. Отсутствие того и другого прикрывается отговоркой, что “дело важнее искусства”»¹⁸. Иными словами, она осуждает современников за следование, казалось бы, одной из определяющих черт реалистического направления – критике действительности. Другое дело, что не любая альтернатива прекрасна. Хвоцинская полагает, что есть два типа исторического романа: вальтер-скоттовский, предполагающий переживание истории, и развлекательный роман-фельетон в духе А. Дюма – и что «Князь Серебряный» относится ко второму типу: «нет ни нравов, ни обычаев, ни людей – не только XVI, никакого столетия. Это сцены и герои фельетонного романа на манер А. Дюма»¹⁹. Если в романе нет истинной истории (другим критерием истинности выступает «История» Н.М. Карамзина), он не выполняет своей воспитательной задачи: не рассказывает правды о прошлом, без которой неясно настоящее. По мнению критика, роману Толстого недостает исторической достоверности, а удачное решение развлекательной задачи представляется ей явно недостаточным.

¹⁷ См., например: *Поречников В. ...* Письмо VI. С. 51.

¹⁸ *Поречников В.* Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо VII // Отечественные записки. 1863. Т. 146. № 2. С. 164.

¹⁹ Там же. С. 174.

В Письме VIII Хвоцинская обращается к роману из современной жизни и в первых же строках статьи заявляет, что «В путь-дорогу» – «прекрасный роман г. П. Боборыкина»²⁰. Однако далее с сожалением отмечает, что в романе нет становления характеров, в том числе юных персонажей, и читатель видит их уже сложившимися, без намека на становление и эволюцию, что роман затянут и излишне многословен («все впечатление читателя теряется во время этих долгих сборов и напрасных слов»²¹). В романе, заглавие которого предполагает разговор о взрослении героя, нет самой истории взросления. Складывается впечатление, что в двух последних письмах Хвоцинская рассуждает о текстах с точки зрения их верности жанру, и в обоих случаях авторы недотягивают до идеальной жанровой мерки (которая в письме VIII к тому же и не задана).

Подводя итог, задумаемся: есть ли в «Провинциальных письмах» «положительная» программа? Какой должна быть хорошая литература? Хвоцинская-Поречников (и в этом нам видится ее сущностное сходство с так называемой революционно-демократической критикой) в основном пишет о том, чего нет, либо чего быть не должно: излишнего обличения и развлечения, слепого копирования действительности (дагерротип), чрезмерного увлечения прошлым и т. п. Мера приближения к действительности критиком не определяется; неочевидно, что, например, ориентиром должны служить Гончаров, или Тургенев, или французские романы. (Точно не английские – им достается в том же письме, что и А.К. Толстому²².) Хвоцинской-Поречникову удастся создать пеструю панораму первого пореформенного года (при очевидно продуманной репрезентативности, жанровой и гендерной), что само по себе представляет огромную ценность для историка литературы. Что же касается мужского псевдонима (Поречников), то мне не кажется, что он обозначает что-либо, кроме литературной маски, например, иную гендерную роль. Количество анализируемых мужских и женских текстов примерно равно, нет никакой предвзятости. Думается, мера феминизма (эмансипированности) Хвоцинской определяется тем, что женщину-писателя следует считать прежде всего писателем, а не женщиной. Кстати, это еще одно обстоятельство,

²⁰ Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо VIII // Отечественные записки. 1863. Т. 147. № 4. С. 186.

²¹ Там же. С. 194.

²² См. Письмо IV об английской литературе как источнике недостаточно хороших литературных образцов: «Домби, Урия Гип, леди Дедлок, Ребекка Шарп – лица удачные, но не незабвенные» (Поречников В. ...Письмо IV. С. 271).

которое роднит ее с Дж. Элиот, считавшей, что в словосочетании «женщина-писатель» второе слово неизмеримо важнее²³.

В чем же причина суровости Хвоцинской-Поречникова? На наш взгляд, все рассмотренное в «Провинциальных письмах» произведения она соотносит с некоей умозрительно существующей моделью реалистического романа. Уместно отметить, что почти все тексты, о которых она пишет, не относятся к литературе первого ряда, т. е. с идеалом соотносятся не «главные» русские романы. Ищет ли она достойный литературный образец в современных текстах или имеет в виду существующий образец при анализе текстов, не суть важно; гораздо важнее, как кажется, что достойного воплощения этой модели нет, и она остается умозрительной. «Вздоры пишутся проворно, и такая литература неистощима», – заявляет критик; «вздоры», как нам кажется, не уничижительное определение беллетристики, но констатация несоответствия идее. Реализм в литературе первой половины 1860-х гг., если верить «Провинциальным письмам», остается в значительной мере воображаемым конструктом.

Литература

- Строганова 2006 – *Строганова Е.Н.* «Прах и суета»: женское писательство в оценках Надежды Хвоцинской и ее современниц // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX в. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 120–137.
- Строганова 2019 – *Строганова Е.Н.* Женская критика в литературном процессе XIX в. // Строганова Е.Н. Классики и современницы: гендерные реалии в истории русской литературы XIX в. М.: Литфакт, 2019. С. 130–162.
- Gheith 2002 – *Gheith J.M.* Women of the 1830s and 1850s. Alternative periodizations / ed. by A.M. Barker, J.M. Gheith. A history of women's writing in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 85–99.
- Gheith 2004 – *Gheith J.* Finding the middle ground: Krestovskii, Tur, and the power of ambivalence in 19th-century Russian women's prose. Evanston: Northwestern University Press, 2004. 302 p.
- Hoogenboom 2002 – *Hoogenboom H.* “Ya rab deistvitel'nosti”: Nadezha Khvoschinskaya, realism, and the detail // Vieldeutiges nicht-zu-ende-sprechen: Thesen und Momentaufnahmen aus der Geschichte russischer Dichterinnen. Fichtenwalde: Göpfert, 2002. P. 129–147.
- Zhang 2017 – *Zhang L., Zeng L.* George Eliot's feminine assertion in Middlemarch // Theory and Practice in Language Studies. 2017. Vol. 7. No. 7. P. 540–545. URL: <https://www.academypublication.com/issues2/tpls/vol07/07/06.pdf> (дата обращения: 01.07.2025).

²³ О феминизме Дж. Элиот и об отношении к ней феминистской критики см., например [Zhang 2017].

References

- Gheith, J.M. (2002), “Women of the 1830s and 1850s. Alternative periodizations”, in Barker, A.M. and Gheith, J.M., eds., *A history of women’s writing in Russia*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 85–99.
- Gheith, J.M. (2004), *Finding the middle ground: Krestovskii, Tur, and the power of ambivalence in 19th-century Russian women’s prose*, Northwestern University Press, Evanston, USA.
- Hoogenboom, H. (2002), “ ‘Ya rab deistvitel’nosti’: Nadezhda Khvoschchinskaya, realism, and the detail”, in *Vieldeutiges nicht-zu-ende-sprechen: Thesen und Momentaufnahmen aus der Geschichte russischer Dichterinnen*, Göpfert, Fichtenwalde, Germany, pp. 129–147.
- Stroganova, E.N. (2006), “ ‘Ashes and triviality’. Women’s writing as assessed by Nadezhda Khvoschchinskaya and her contemporaries”, in *Zhenskii vyzov: russkie pisatel’nitsy XIX – nachala XX v.* [Women’s challenge. Russian women writers of the 19th and early 20th centuries], Liliya Print, Tver’, Russia, pp. 120–137.
- Stroganova, E.N. (2019), “Women’s criticism in the literary process of the 19th century”, in Stroganova, E.N., *Klassiki i sovremennitsy: gendernye realii v istorii russkoi literatury XIX v.* [Classics and contemporaries. Gender realities in the history of Russian literature of the 19th century], Litfakt, Moscow, Russia, pp. 130–162.
- Zhang, L. and Zeng, L. (2017), “George Eliot’s feminine assertion in Middlemarch”, *Theory and Practice in Language Studies*, vol. 7, no. 7, pp. 540–545, available at: URL: <https://www.academypublication.com/issues2/tpls/vol07/07/06.pdf> (Accessed 1 July 2025).

Информация об авторе

Екатерина И. Самородницкая, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; ksam@inbox.ru

Information about the author

Ekaterina I. Samorodnitskaya, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ksam@inbox.ru